

Она не хотела здесь жить. Но именно здесь она начала дышать

ГОРЕЧЬ

ЭМЕРИ СКОТТ

18+

Эмери Скотт

Горечь

«Автор»

2026

Скотт Э.

Горечь / Э. Скотт — «Автор», 2026

Кива Кин не искала дом. Она искала место, где можно разбиться. Уиллоу оказался идеальным: старые деньги, новые лица и Закари Синклер — ботаник с мускулами, который смотрит на неё так, будто она ошибка природы. Но ошибки природы не меняют правила игры. Кива не вписывается в этот мир. И именно поэтому Уиллоу никогда не будет прежним. Бунт против порядка. Ей не нужен спаситель. Но, возможно, ей нужен тот, кто не боится её огня.

© Скотт Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эмери Скотт

Горечь

Глава 1

17 августа. Кива, 14 лет

Гитарный рифф разорвал тишину, и я провалилась в знакомый хаос. Крики Криса Motionless In White заполнили мою голову, заглушая гул мотора, запах бензина из старой «Хонды», даже собственное дыхание. Восемь часов в машине — это слишком много времени, чтобы думать. Слишком много, чтобы вспоминать. Музыка была моим щитом.

Another life, another life...

Я смотрела в окно на бесконечные сосны, которые становились всё гуще, и чувствовала, как в груди разрастается пустота. Там, в Розуэлле, я хотя бы знала, кого ненавидеть.

Здесь — ничего.

Только этот идеальный, приторно-зелёный коридор, который ведёт меня в никуда.

— Кива!

Голос отца пробился сквозь наушники, как тупой нож. Я раздражённо ткнула пальцем в телефон, ставя трек на паузу. Тишина, которая наступила, была хуже музыки. Я вытащила один наушник из уха и повернула голову к отцу. Он держал руль одной рукой, второй помассировал переносицу. Он делал так, когда уставал. Или когда пытался не сорваться. В последнее время это было слишком часто.

— Что? — спросила я грубо.

Отец вздохнул. Долгий, усталый выдох человека, который не спал уже сутки.

— Мы скоро подъедем.

Я усмехнулась.

— Хочешь высказать мне наставления? — Я посмотрела на него с вызовом. — Типа «будь хорошей девочкой, не позорь семью, не кури в туалете»?

— Да, хочу, — сказал он, и в его голосе проскользнуло раздражение. — Здесь необычный город, ясно?

Он бросил на меня быстрый взгляд, проверял, слушаю ли я вообще. Я демонстративно уставилась в окно, но наушник оставила в руке.

— Твоя бабушка любит тебя, — продолжил он, и его голос стал мягче, почти умоляющим. — Так что дай ей шанс, хорошо? Дай шанс этой новой жизни. Ради меня. Ради себя.

Я надела капюшон толстовки и потянула шнурки так, что ткань сжалась вокруг лица, оставляя только узкую щель для глаз. Теперь я была в своём коконе.

Безопасно.

— Кива.

Я проигнорировала.

Смотрела на дорогу, на мелькающие деревья, на серое небо, которое висело над нами, как мокрое одеяло. Восемь часов. Мы ехали восемь часов, чтобы оказаться здесь. В месте, в котором росла моя мама.

— Кива!

Отец повысил голос, требуя ответа.

Я медленно открыла дверь машины. Ветер ударил в лицо. Если я сейчас выпрыгну, я останусь жива? «Хонда» ехала достаточно быстро. Но не настолько, чтобы разбиться насмерть. Только покалечиться. Только добавить ещё одну проблему в нашу и без того разваливающуюся жизнь.

— Кива, сейчас же закрой дверь! — снова позвал он, уже с паникой в голосе.

— Я не маленькая, пап, — сказала я, закрывая дверь обратно. — Не надо со мной как с ребёнком.

— А ведёшь себя именно так, — огрызнулся он.

Я пожала плечами. Пусть думает что хочет. Мне всё равно.

— Всего лишь мы переехали в незнакомое место, — сказала я, загибая пальцы, — я буду жить в новом доме, пойду в новую школу, и у меня тут никого нет.

— У тебя есть я и бабушка, — возразил он, но уже слабее. Он знал, что это не аргумент.

— Я про друзей, пап.

— Без обид, — хмыкнул он, и в его голосе мелькнула тень прежней иронии, — но пожилая соседка тебе не подруга.

Я чуть не улыбнулась. Чуть-чуть. Но не дала себе этого сделать.

Ладно, этот пункт я приукрасила. У меня правда не было друзей. В Розуэлле я была «той странной девочкой с вишнёвыми волосами», «дочкой механика», «девчонкой, которая одевается как пацан и слушает непонятную музыку». Я привыкла быть призракoм. В новом доме и новой школе я могла им остаться. Я ничего не теряла.

Кроме мамы.

Я почувствовала, как в горле встал ком. Отвернулась к окну, чтобы папа не видел. Сосны кончились — начались лужайки. Идеальные. Подстриженные до миллиметра.

Зелёные, как пластик.

— Кива, — мягко позвал папа. Совсем тихо. — Я тебя люблю. Ты можешь на меня положиться, ладно?

Я сглотнула. Медленно кивнула.

— Ладно.

Кажется, мой ответ устроил папу. Он выдохнул и чуть расслабил плечи. Я теперь могу полагаться только на него. Он — единственный, кто остался. Я сложила наушники в рюкзак, порылась в кармане куртки, нащупывая пачку сигарет, и наконец открыла зеркало в козырьке.

Из отражения на меня смотрела незнакомка. Голубые глаза всё ещё не покраснели от слёз. Я научилась не плакать. Пока нет. Вишнёвые волосы, которые я выкрасила в начале лета, сейчас смотрелись тускло, но выглядели ярким пятном на фоне всей этой идеальности. Они торчали из-под бейсболки, непослушно развиваясь на ветру. Я носила слишком широкие джинсы, потёртые на коленях, тяжёлые берцы, которые добавляли мне три сантиметра роста, и выцветшую чёрную толстовку с капюшоном, который я натягивала на глаза, когда не хотела, чтобы меня видели. Или когда не хотела видеть мир.

— Может, здесь нам понравится больше? — папа старался звучать бодро, но в его голосе сквозила неуверенность. Он тоже не знал ответа.

Я промолчала. Восемь часов в машине, тряска, запах бензина и отцовское беспокойство. Я вряд ли буду скучать по улицам Розуэлла — по его серым домам и вечно занятым соседям, — но и на Уиллоу я не надеялась. Я перестала надеяться три месяца назад, когда мамин гроб опустили в землю.

— Сколько нам осталось ехать? — спросила я, сжимая в кармане пачку сигарет. От картона было тепло.

Хотелось поскорее сделать затяжку.

— Мы уже заехали, — папа указал на вывеску слева. Чёрные буквы на белом фоне: «Добро пожаловать в Уиллоу. Частное владение».

Мы проехали под ней, и город открылся перед нами, как музей под открытым небом. Особняки.

Нет, коттеджи, как их здесь называли. Огромные, с белыми колоннами, верандами, идеальными лужайками, которые спускались прямо к океану. Яхты в бухте сверкали на солнце, как игрушки в витрине дорогого магазина.

— А здесь живут богачи, — сказала я, и в моём голосе прозвучало что-то среднее между отвращением и завистью. — Не верю, что бабушка живет здесь.

— Да, — мрачно кивнул папа.

Мы с бабушкой не были особо близки. Всё, что я знала о ней, — она организовывала вечера в чьём-то клубе и иногда приезжала к нам в Розуэлл с дорогими подарками, которые мы не могли принять. Она всегда выглядела так, будто сошла с обложки журнала, и я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась по-настоящему.

Во время похорон я не могла рассматривать район или разглядывать дома. Всё, что осталось в моей памяти, — могила.

Чёрная земля.

Венки.

Дождь, который шёл весь день, как будто мир тоже оплакивал маму.

Папа сбавил скорость, и я рассматривала идеальные лужайки. Никаких сорняков. Никакого мусора. Даже газонокосилки, стоящие у домов, выглядели как произведения искусства. Я почувствовала, как внутри нарастает глухое раздражение.

— Как думаешь, сколько в этом доме спален? — спросила я, кивая на особняк слева. Папа не ответил. — Ставлю, что минимум десять.

— Начинается интересная жизнь, — проворчал он, и я уловила в его голосе горечь.

Он тоже не хотел этого переезда. Но бабушка настояла. После маминых похорон, которые прошли здесь, в Уиллоу, она сказала: «Ты не можешь оставаться там один. Приезжайте. Я помогу». Тоби Кин, который привык быть сильным, не смог отказаться. Пришлось продать автомастерскую — единственное, что у нас было, — попрощаться с друзьями и начать новую жизнь.

Я знала, как ему тяжело. У него были друзья в Розуэлле. У него была мастерская, которую он любил. Теперь у него есть только я и этот идеальный, фальшивый город. И бабушка, которая смотрит на него так, будто он украл у неё дочь много лет назад.

Прошло всего три месяца. Три месяца с того дня, как мама умерла. Почти сразу после моего дня рождения. Четырнадцать лет, и вот я должна повзрослеть.

Я почувствовала, как глаза начало щипать, а к голове прилил жар. Знакомое ощущение. Я зажмурилась на секунду. Так, стоп. *Соберись, Кива*. Ты не будешь плакать. Ты дала себе слово.

Папа свернул на подъездную дорожку. Дом бабушки оказался огромным — белый, с высокими окнами и аккуратными ставнями. У входа росли кусты роз, которые выглядели так идеально, будто их посадили только вчера.

Папино напряжение передалось мне, и я резко почувствовала, что хочу сбежать. Прямо сейчас. Открыть дверь и бежать к тому самому океану, который я видела вдалеке, пока мы ехали.

Но я не могла. Ради папы я должна быть сильнее. Мы вместе сильнее. Он сказал так вчера вечером, когда мы собирали вещи, и я запомнила его слова. Они были единственным, что держало меня на плаву.

Я медленно расстегнула ремень безопасности, взяла рюкзак и вышла из машины. Воздух пах солью и деньгами. Идеальный, чистый воздух, от которого хотелось кашлять.

Дверь коттеджа открылась раньше, чем я успела сделать шаг. Бабушка вышла на крыльцо — сдержанная улыбка, светлый костюм, туфли на невысоком каблуке. Она выглядела так, будто собиралась на светский раут, а не встречала внучку, которая спала в машине последние восемь часов и не мылась двое суток. Мои потертые джинсы, рваные на коленях, и берцы со следами засохшей грязи внезапно покраснели.

Я чувствовала себя чужачкой.

— Здравствуйте, миссис Кин, — поздоровался папа. Его голос звучал официально, как на собеседовании.

— Зови меня Холли, Тоби, — ответила бабушка и повернулась ко мне.

В её глазах мелькнуло что-то, от чего я растерялась. Она смотрела на меня так, будто видела призрака.

— Кива, милая, — сказала она и шагнула ко мне.

Она была ниже меня на голову — хрупкая, сухонькая старушка в идеальном костюме. Но она притянула меня к себе так крепко, что я на мгновение забыла, как дышать. Её голова легла мне на плечо, и я почувствовала запах её духов, совсем не такой, как у мамы.

— Привет, — сказала я неловко, с испугом глядя на папу. Он стоял с открытым ртом, как будто тоже не ожидал такой встречи.

Бабушка отпустила меня так же внезапно, как и обняла, но её руки всё ещё лежали на моих плечах. Она заглянула мне в глаза, и уголки её губ дрогнули.

— Точная копия, — прошептала она. — Ты — вылитая Кива. И этот взгляд, и эти волосы. Да, мою маму тоже звали Кива.

Я не знала, что ответить. В горле снова встал ком. Бабушка убрала руки и выпрямилась, натягивая свою идеальную улыбку обратно, как маску.

— Тоби, занеси вещи в дом, — скомандовала она, и в её голосе послышались стальные нотки. — Я покажу вам комнаты.

Мы вошли внутрь. Мраморный пол, хрустальная люстра, лестница, которая уходила вверх, как в каком-нибудь фильме про старые деньги. Я чувствовала себя неуклюжей, с моими грязными ботинками, которые оставляли следы на белоснежном мраморе, и вишнёвыми волосами, которые казались здесь дикими.

Бабушка вела нас по коридору, указывая на двери: «Это гостиная. Это столовая. Это библиотека, если хочешь почитать». Я почти не слушала. Мои пальцы сжимали пачку сигарет в кармане, как талисман.

Она остановилась у высокой белой двери и открыла её.

— Это твоя комната, Кива.

Я вошла и замерла. Комната была просторной, светлой, с большим окном, выходящим в сад. На стенах — старые фотографии в рамках. На тумбочке — книги. И запах... сладкий, знакомый. Так пахла мамина одежда.

Бабушка стояла в дверях, глядя на меня.

— Это была комната твоей матери. Я оставила здесь всё, как при ней.

Она посмотрела на меня ещё раз долгим, тёплым взглядом, в котором я видела боль.

— Если хочешь, я могу показать тебе город завтра, — сказала она мягко. — Здесь есть места, которые она любила. Пляж. Причал. Я покажу тебе их.

Я кивнула, не в силах говорить. Она улыбнулась, вышла и закрыла дверь, оставив меня одну.

Я стояла посреди комнаты, которая когда-то принадлежала моей матери. Смотрела на её старые фотографии — она смеялась, она была такой же молодой, как я сейчас. На одной фотографии она стояла на причале, рядом с другими ребятами, и у неё были такие же вишнёвые волосы, как у меня. Такое же фото хранилось и в Розуэлле. Собственно, это и заставило меня сменить имидж. Хотелось быть ближе к маме.

Я подошла к окну. Внизу, в саду, папа тащил чемоданы, а бабушка Холли говорила ему что-то с каменным лицом. Я не слышала слов, но видела, как он сжал челюсти.

Наверное, у них будет долгий разговор.

Я вытащила сигареты из кармана и сунула их под подушку. Потом села на край огромной белой кровати и посмотрела в окно на океан, который виднелся вдалеке, за идеальными лужайками и соснами.

Глава 2

17 августа, Кива, 14 лет

Я не знала, готовила ли бабушка эту еду сама или заказывала в каком-нибудь ресторане, но было безумно вкусно. Я и не заметила, как проголодалась за время в машине. Мы сидели в огромной столовой за столом, за которым могли бы поместиться человек двенадцать, и я чувствовала себя крошечной на фоне этих хрустальных люстр и белоснежных скатертей.

— Кива, мы с тобой столько должны сделать, — воодушевлённо сказала бабушка Холли. Она сидела напротив меня и улыбалась так тепло, что я почти поверила. — Завтра я покажу тебе город, познакомлю с соседями. Уиллоу — маленький, но здесь живут замечательные люди.

— Сначала нужно выбрать школу, — строго перебил папа. Он сидел рядом со мной и ковырял вилок салат, как будто это было его последнее занятие в мире. Я знала этот взгляд. Он думал о деньгах, о том, сколько стоят эти школы, и что мы не вписываемся сюда ни по статусу, ни по кошельку.

Бабушка бросила на него короткий, холодный взгляд, но голос остался прежним:

— Да. В Уиллоу две престижные школы: Академия Уиллоу и Сент-Митчелл. Мы обязательно посмотрим обе, и ты выберешь. Правда ведь, Кива?

Я кивнула, делая глоток сока, чтобы избежать разговора.

Яблочный сок.

Мама делала такой же.

От этой мысли в груди кольнуло, и я поставила стакан обратно, чтобы не разбить его из-за дрожащих рук.

— Может, есть то, чем ты хотела бы заниматься? — спросила бабушка. — Подростки здесь занимаются музыкой, танцами, спортом... У нас отличная гребная команда, например.

Гребная команда.

Я представила себя в лодке, в идеальной белой форме, с идеальными людьми, которые улыбаются идеальными улыбками.

Меня затошнило.

— Я устала, — перебила я, отодвигая тарелку. Еда в миг стала тяжёлой в желудке. — Пап, можно я пойду в комнату?

Он посмотрел на меня с пониманием.

— Конечно, Кива, — сказал папа рассеянно, а затем повернулся к бабушке. — Она устала от долгой поездки, но обязательно выберет что-то для себя.

— Да, конечно, — бабушка снова натянула вежливую улыбку, но уголки ее губ дрогнули. — Доброй ночи, милая. Если захочешь пить — в твоей комнате есть вода.

Я поднялась из-за стола, чувствуя на себе их взгляды. Папин — усталый и обеспокоенный. Бабушкин — изучающий, тёплый и немного грустный. Она явно видела во мне маму, но я не была ею.

Комната встретила меня тишиной. Я щёлкнула замком, закрывая дверь, и прислонилась к ней спиной, переводя дыхание. Слишком много белого. Слишком много идеальных вещей. Слишком много вопросов.

Я подошла к чемодану и расстегнула молнию. Серая толстовка лежала сверху, и я быстро переделась в нее, сбросив джинсы и футболку, в которых просидела восемь часов. Толстовка пахла домом в Розуэлле. Табачным дымом, отцовским потом и чем-то родным, что я еще не забыла.

Зеркало возле окна показало мне отражение. Вишнёвые волосы уже начали отрастать, на корнях проступали мои родные каштановые. Я провела пальцами по прядям, разглядывая себя. Глаза — мамины, голубые. Нос — папин, чуть вздёрнутый. Толстовка висела мешком,

скрывая фигуру. Я специально носила такую одежду, чтобы никто не смотрел на меня, чтобы я могла быть невидимой.

Захватив пачку сигарет, которую я спрятала под подушку, я подошла к окну. К счастью, поселили меня на первом этаже. В Розуэлле, чтобы сбежать из дома, мне приходилось лезть через дерево, царапая колени и рискуя сломать шею. Здесь — просто приоткрыть створку и прыгнуть на мягкую траву.

Я сделала это бесшумно. Мои берцы мягко ступили на газон, и я на секунду замерла, прислушиваясь. В доме было тихо. Папа и бабушка, кажется, ещё сидели на кухне. Их голоса доносились приглушённо, и я не разбираю слов.

Отлично.

Я пошла вперёд, засунув руки в карманы толстовки. Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив после себя только багровую полосу, которая медленно таяла в темноте. На улице стало прохладно — влажный ветер с океана пробирал до костей. Фонари освещали улицу тусклым жёлтым светом, а в окнах коттеджей горел тёплый свет.

Жизнь. Чужая, но жизнь.

Я шла на шум океана.

Он был повсюду. Этот глухой, мерный рокот, который убаюкивал и одновременно будил что-то внутри. В голове не было мыслей, кроме одной.

Мама росла здесь.

Ходила по этим улицам.

Она говорила, что в детстве ни в чём не нуждалась, что у неё было всё — любящая семья, друзья, дом у моря.

Неужели она променяла это всё на папу? На наш крошечный дом в Розуэлле, на запах бензина из его мастерской, на вечные ссоры о деньгах?

Почему они не остались здесь?

Я не знала.

Мама редко говорила о прошлом. Она улыбалась, когда я спрашивала, и говорила: «Иногда нужно уйти, чтобы понять, где твой дом». Я никогда не понимала этих слов. И сейчас, глядя на идеальные дома и идеальные лужайки, я не понимала их ещё больше.

Уиллоу оказался крошечным. Через пять минут я уже проваливалась в песок, чувствуя, как он скрипит под моими берцами. Воздух здесь пах солью и водорослями — настоящий, живой запах, который перебивал приторную идеальность города.

Я остановилась на линии прибоя, глядя, как волны лижут песок. Темнота скрывала горизонт, и казалось, что океан сливается с небом в одну бесконечную чёрную массу. Здесь никого не было. Только я, океан и луна, которая висела низко, как фонарь.

Или нет.

Я заметила свет. Маленький, белый, который дрожал в руках человека. Кажется, не я одна решила побыть одна.

Маленькая фигурка стояла возле спуска из чьего-то дома, прямо на песке, и светила фонариком в мою сторону. Слепящий луч ударил в лицо, и я зажмурилась, прикрывая глаза рукой.

— Эй! — крикнула я, но ветер унёс мой голос.

Я пошла к ней. Она не двигалась, просто стояла и ждала. Чем ближе я подходила, тем яснее видела её очертания. Худенькая, в пижаме. В руках была палитра с красками, а рядом стоял мольберт с холстом. Босая. Волосы — светлые, почти белые в лунном свете.

Странная.

Определённо странная.

Только странный человек будет рисовать на пляже ночью в пижаме.

— Привет, — сказала я неловко, потому что не привыкла начинать разговоры первой. Обычно люди сами подходили ко мне, если в этом была необходимость, но чаще — обходили стороной.

Девочка молчала.

Её зелёные глаза рассматривали меня снизу вверх, от моих грязных берцев до вишнёвых волос, которые торчали из-под капюшона. Она была небольшого роста, примерно четыре с половиной фута, и выглядела так, будто её только что вынесло из дома волной.

— Мы знакомы? — спросила она наконец. Голос был тихим, безэмоциональным, но в нём слышалась настороженность.

— Нет.

— Ясно, — сказала девочка и отвернулась к холсту, как будто разговор был закончен.

— Что рисуешь? — спросила я, чувствуя себя странно. Обычно я не задавала вопросов незнакомым людям. Мне было всё равно. Но эта девочка... в ней было что-то, что заставляло меня остаться.

— Тебе не понравится, — сказала она спокойно.

— Я же ещё не видела, — возразила я.

Она не ответила, снова взяла кисть и начала наносить краску на холст. Я заметила, что она работает быстро, будто знала каждый штрих заранее. Я смотрела на неё несколько секунд, а потом села на песок и достала сигарету.

Зажигалка чиркнула в полумраке, и кончик сигареты загорелся красной точкой. Я глубоко затянулась, чувствуя, как дым наполняет лёгкие, и тёплая волна растекается по телу, успокаивая нервы. Голова чуть закружилась, и я закрыла глаза на секунду.

— Сядь на другую сторону, чтобы на меня не шёл запах, — сказала Эмери, не оборачиваясь.

Я усмехнулась.

— Конечно.

Я перебралась на другую сторону, устроившись на песке в паре метров от неё. Вид на океан отсюда был даже лучше — луна висела прямо над линией горизонта, рассыпая серебряную дорожку по воде.

— Сколько тебе лет? — спросила она, сощутив глаза.

— Четырнадцать, — ответила я честно. — А тебе?

— Тринадцать, — она присела на корточки прямо передо мной, и я заметила, что её глаза вблизи переливались разными оттенками зеленого. — У тебя красивые волосы.

Я растерялась.

— Э... Спасибо, — я пожала плечами и под её настойчивым взглядом сделала ещё одну затяжку. Дым вырвался изо рта и растворился в ночном воздухе. — Хочешь? — я протянула ей сигарету.

Она покачала головой.

— Я не хочу умирать раньше времени. У меня ещё есть планы.

Я хмыкнула.

Планы.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она, возвращаясь к мольберту. — Что-то про себя.

Я хотела сказать «нет».

Я не рассказываю о себе незнакомцам.

Но слова вылетели сами собой, как будто кто-то открыл кран, который я так долго держала закрытым.

— Моя мама умерла в июне, — сказала я.

Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось.

— Жаль, — ответила Эмери без смущения.

— Да, жаль, — повторила я.

— Как тебя зовут? — спросила она, снова поворачиваясь ко мне.

— Кива.

— А фамилия?

— Э... Кива Кин, — добавила я.

Станный вопрос. На всех знакомствах в Розуэлле спрашивали только имя. Фамилия была не важна. Но здесь, в Уиллоу, похоже, всё было иначе. Фамилия говорила о статусе, о твоём месте в мире.

— Я Эмери Скотт, — девочка жутко улыбнулась, и я поняла, что что-то в ней не так, но не могла понять, что именно.

Было в ней что-то чудное. Какая-то пустота за глазами. Или, наоборот, слишком много всего, что она прятала за этой тихой улыбкой.

Я докурила сигарету, потушила окуроч и сложила его обратно в пачку, чтобы не мусорить. Шум океана звучал успокаивающе. Я бы хотела находиться здесь вечно.

Эмери больше не задавала вопросов.

Она рисовала, а я смотрела на воду. Мы молчали, и это молчание приносило спокойствие.

Прошло больше получаса.

Мысли не плыли в голове. Я продолжала сидеть и смотреть, как луна дрожит на волнах. А Эмери закончила рисовать, сняла холст и повернула его ко мне.

— Как тебе? — с улыбкой спросила она, выглядывая из-за холста.

Я опустила взгляд на рисунок.

Это был тот же пейзаж, на который я смотрела последние минуты. Та же луна, те же волны. Но на рисунке ещё был человек. Точнее, часть головы и рука, торчащая из воды. Человек плавал. Или тонул.

— Если человек плавает, то выглядит странно, — сказала я.

— Он не плавает.

— А что он делает?

— Тонет, — сказала она.

Я нахмурилась.

— Тонет?

Зеленые глаза ничуть не смутились. Она смотрела на меня с какой-то детской, почти жуткой улыбкой.

— Иногда хочется утонуть, — сказала она. — Но я всегда вынырываю.

Эти слова упали в тишину как камень.

Я не знала, что ответить. В её голосе не было угрозы.

— Ты странная, — сказала я наконец.

— Я знаю, — ответила Эмери.

Она вернула холст на мольберт и начала собирать краски.

— Мне пора, Кива. Ещё увидимся.

— Конечно, — ответила я.

Эмери свернула всё в сумку, взяла холст и помахала мне на прощание. Я помахала в ответ, наблюдая, как её маленькая фигура исчезает в темноте.

Что ж. Неплохое начало, да?

Я поднялась, отряхнула песок с джинсов и направилась обратно в дом.

Улицы были пусты.

Дом бабушки встретил меня тишиной.

Я тихо закрыла окно, сняла берцы и забралась в огромную кровать, которая пахла мамой.

Или мне хотелось, чтобы это было так.

Глава 3

18 августа, Кива, 14 лет

— В шкафу осталась кое-какая одежда твоей мамы, — сказала бабушка, заглянув в мою комнату. Её голос звучал робко, как будто она не хотела давить на меня. — Можешь найти там что-то нарядное, если захочешь.

Я оторвалась от телефона и уставилась на неё. Бабушка стояла в дверях, чуть склонив голову набок, и смотрела на меня с той же тёплой, изучающей улыбкой, что и прошлым вечером. Она уже переделалась из утреннего костюма в легкое льняное платье. Её волосы были уложены в аккуратную причёску, а на шее поблёскивала тонкая серебряная цепочка с маленьким кулоном.

Она выглядела так, будто собиралась на светский приём, а не просто показывать внуке город.

— Зачем мне наряжаться? — спросила я, настороженно следя за ней. — Мы же просто поедем смотреть школы.

Бабушка уже шагнула в комнату и подошла к встроенному шкафу, который занимал целую стену. Она открыла дверцы, и я увидела ряды вещей — аккуратно развешанные платья, блузки, жакеты. Все они выглядели так, будто их купили вчера, хотя бабушка сказала, что они хранятся здесь много лет.

— Это Уиллоу, Кива, — сказала бабушка, перебирая вешалки и напевая себе под нос какую-то мелодию, которую я не знала. — Здесь все наряжаются.

— Я не люблю быть в центре внимания, — ответила я, зарываясь глубже в свою серую толстовку, как в броню.

Бабушка выглянула из шкафа, и на её лице появилась та самая понимающая улыбка, которая меня одновременно успокаивала и раздражала.

— Поэтому покрасила волосы в красный? — спросила она, и в её глазах мелькнул озорной огонёк.

Я нахмурилась, чувствуя, как щёки начинают предательски теплеть.

— Нет, — буркнула я, но настоящую причину не раскрыла.

Я скучала по маме.

Каждый день.

Каждый час.

Каждую минуту.

Я красила волосы в тот день, когда нашла старые фото. В юности мама тоже красила волосы. И я захотела увидеть в зеркале её глаза. Чтобы отражение не переставало напоминать мне о ней.

Но говорить об этом вслух было так трудно.

Почти невозможно.

Я сжала пальцы в кулаки и уставилась в пол.

Бабушка Холли, не обращая внимания на моё молчание, уже доставала что-то из шкафа. Её руки двигались с удивительной нежностью.

— Вот, посмотри, — она извлекла на свет платье, и я ахнула про себя. Голубое. Тонкие лямки. Лёгкая, почти невесомая ткань, струящаяся, как вода.

Оно было красивым. Слишком красивым для меня.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила я с сомнением, сжимая ткань толстовки в пальцах.

— Кива, ты прячешь свою прекрасную фигурку под такими огромными вещами, — бабушка жалобно посмотрела на меня, прижав платье к груди, словно моля о пощаде.

— Я не люблю наряжаться, — повторила я, чувствуя, как раздражение начинает закипать где-то в груди.

— Сегодня твоё знакомство с Уиллоу, — бабушка подошла ближе и аккуратно положила платье на кровать рядом со мной. — Сделай это ради меня.

Я посмотрела на платье. Голубая ткань переливалась на солнце, и я провела по ней пальцами. Она была гладкой, холодной и почему-то родной.

— Мама любила такое, — сказала я тихо. Слова вырвались сами собой, и я тут же пожалела о них.

Бабушка замерла.

— Она носила его летом, — сказала она едва слышно. — Мы сшили его вместе.

Я резко отдернула руку, как будто платье обожгло меня.

— Но я не она, — сказала я, и голос прозвучал резче, чем я хотела.

В глазах бабушки мелькнула боль, но она быстро взяла себя в руки.

— Сегодня будет жарко, — сказала она тихо. — Надень его хотя бы для того, чтобы не расплавиться под солнцем.

— Ты меня стыдишься? — спросила я, когда бабушка слишком долго разглядывала мои вещи в открытом чемодане. Моя серая толстовка, рваные джинсы, старые кеды — всё это выглядело неуместно на фоне идеального интерьера комнаты.

Бабушка подняла на меня глаза. Я ждала, что она скажет что-то колкое, что-то обидное, что оправдает моё раздражение, но она лишь покачала головой.

— Разумеется нет, — сказала она мягко. — Я знаю, каково это — быть другой.

Я уставилась на неё в замешательстве. Но она уже отвернулась.

— Меня не заботит то, как я выгляжу, ясно? — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Одежда должна быть удобной.

— Кива, — раздался голос от двери.

Я обернулась. В дверях стоял папа. Он выглядел уставшим, но его взгляд был, как всегда, строгим.

— Будь повежливее, — предупредил папа.

Я закатила глаза. Замечательно, он встал на сторону бабушки.

— Ничего страшного не произошло, Тоби, — ответила бабушка, поправляя платье на кровати. — Мы просто обсуждали гардероб. Что ж, я пойду собираться.

Она вышла, оставляя нас с папой вдвоём. Дверь мягко закрылась за ней, и повисла тишина.

— Я понимаю, что тебе трудно, — сказал папа. Он подошёл ко мне и сел на край кровати, тяжело вздохнув. — Но не нужно срываться на семье. Что тебе сделала бабушка?

— Она попросила меня надеть платье мамы, — я указала на голубую ткань, которая лежала рядом со мной как обвинение.

Папа посмотрел на платье. Его лицо дрогнуло. На секунду я увидела в его глазах ту же боль, которую чувствовала сама.

— Надень это платье, Кива, — попросил он, и его голос стал почти шепотом. — Будь хорошей девочкой.

— Папа.

— Кива.

— Папа.

— Кива Грейс Кин, — папа сложил руки на груди и изогнул бровь. Я узнала этот взгляд. Он всегда так смотрел, когда хотел показать, что я не должна перечить.

— Это нечестно, — возмутилась я. — Ты используешь моё полное имя, чтобы манипулировать мной!

— Ты сама меня вынуждаешь использовать запрещённый приём, — усмехнулся он. —
Прошу тебя. У нас у всех общее горе.

— Для ребёнка мама — весь мир, — поспорила я, и голос предательски дрогнул.

Папа посмотрел на меня. Долго. Тяжело. Его глаза стали влажными.

— Ты потеряла маму, — сказал он тихо. — Я потерял любовь всей своей жизни. А твоя бабушка потеряла дочь. Она пришла на похороны, видела, как мы закапывают её ребёнка, и уехала одна в этот огромный дом. Понимаешь, каково это — быть одной в доме, где каждый уголок напоминает о ней?

Я сглотнула. В горле встал ком.

— Я надену это платье, — выдохнула я, глядя в пол.

Папа облегчённо кивнул.

— Так-то лучше.

Он поднялся, подошёл ко мне, легко коснулся плеча и вышел, тихо закрыв дверь.

Я упала на кровать и уставилась в потолок. Белый. Идеальный. Без единой трещинки.

За что мне всё это?

В следующий раз бабушка захочет заплести мне косички? Я подросток, а не ребёнок.

Я снова села и посмотрела на платье. Оно было милым. Лёгким. Летним. Мама любила такое. Но я не ношу ничего милого.

Я переборолала себя, сняла толстовку и переоделась. Голубая ткань скользнула по коже, и я почувствовала себя голой. Но это было не самое страшное.

Я оставила свои коричневые берцы, хотя они смотрелись с платьем как корабль в пустыне. Мне было плевать. Я подошла к зеркалу и замерла.

Не знаю, какого роста была мама в моём возрасте, но платье едва прикрывало бёдра. Я почувствовала себя чужой в этом теле. В этом платье. В этом городе.

— Какой позор, — прошептала я, закрывая лицо руками. — Боже, какой позор.

Волосы лёгкой волной спадали до талии. Я провела пальцами по прядям, чувствуя, как они скользят между пальцами. Это была единственная часть меня, которая казалась настоящей.

Бабушка ещё не знает, насколько я далека от платьев, причёсок и мальчиков. Я была в женском теле, но не была обычной девочкой. Я никогда не была ею. И меня это устраивало.

Я взяла телефон и вышла из комнаты.

Папа сидел в гостиной на диване, читая какую-то книгу. Он поднял глаза, увидел меня, и на его лице появилась улыбка. Одна из тех, что я видела редко после маминой смерти.

— Я горжусь тобой, Кива, — сказал он.

Я почувствовала себя неловко. Платье заставляло гореть мое тело, а взгляд папы был слишком тёплым, слишком напоминающим о маме.

Я хотела сказать что-то колкое, но промолчала.

Бабушка появилась через несколько минут. Она стояла в дверях гостиной, и когда увидела меня в платье, её глаза заблестели.

— Ты такая красавица, Кива, — прошептала она. — Ты... ты точно вылитая она.

— Э... Спасибо, — ответила я и резко отвернулась.

Не трудно было догадаться, кого она во мне видела. Но я не хотела унывать прямо сейчас. Не хотела думать о маме. Не хотела плакать. Я просто хотела, чтобы этот день поскорее закончился.

— Какие планы на сегодня? — спросил папа, кашлянув.

— Сначала посмотрим школы, — воодушевилась бабушка, беря ключи со столика. — А после, если Кива не будет против, я покажу ей одно чудесное кафе возле океана. У меня как раз там дела.

— Без проблем, — согласилась я.

— Отлично! — бабушка улыбнулась, и её улыбка была искренней. — Тогда выходим.

На улице было безумно жарко. Солнце палило прямо в глаза, и я тут же пожалела, что надела платье — тонкая ткань почти не спасала от жары.

Я хотела бы быть такой же энергичной, как бабушка. Она шла впереди, размахивая ключами, и её шаги были лёгкими и быстрыми.

— Я сяду сзади, — сказала я, когда бабушка открыла свою машину.

Она хотела что-то сказать, но я уже скользнула на заднее сиденье. Мне казалось, так я буду чувствовать себя свободнее.

Мерседес бабушки был роскошным. Белый кожаный салон, кондиционер, пахло дорогим парфюмом и свежестью. Я смотрела в окно на идеальные улицы Уиллоу, на коттеджи, на людей в идеальных нарядах, которые прогуливались по идеальным тротуарам.

Бабушка выехала на дорогу.

— Волнуешься? — спросила она, поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Мы же просто посмотрим на школы и поговорим с директорами, — ответила я, отворачиваясь к окну.

— Всё равно — новое место, — возразила бабушка. — Неужели неинтересно?

— Всё будет как раньше, — сказала я. — Я просто буду ходить в школу, а после школы — домой.

— А подруги?

Я пожала плечами.

— Их не было и вряд ли будут. Никто не захочет дружить с такой странной, как я.

— Ох, милая, — бабушка мягко улыбнулась. — Ты вовсе не странная.

— Не надо меня жалеть, — сказала я, нахмурившись. — Я в порядке.

— Это не жалость, Кива, — бабушка покачала головой. — Хорошие друзья на дороге не валяются. Но когда они появляются, ты сразу это понимаешь.

— Я отлично проводила время с мамой и папой, — возразила я, и слова прозвучали слишком громко в тишине машины.

Бабушка многозначительно кивнула, но больше не задавала вопросов. Она просто вела машину, а я смотрела в окно.

Я не хотела этого признавать, но Уиллоу был красивым городом.

Узкие улочки, старые дубы с ветвями, склоняющимися к земле, яркие цветы в палисадниках. Жители улыбались друг другу, и в этом было что-то почти сказочное.

Я завидовала их лёгкости, спокойствию и умению жить в идеальном мире.

— Расскажи мне про школы, — попросила я, чтобы заполнить тишину в машине.

— В Уиллоу есть две старшие школы, — начала бабушка. — Рядом с нами — Сент-Митчелл, до нее можно дойти пешком. А в другом конце города находится Академия Уиллоу.

— Чем они отличаются? — спросила я.

— В Сент-Митчелле больше спортивных программ, — ответила бабушка. — Особенно по гребле. Наша команда считается одной из лучших в Южной Каролине.

— То есть для меня нет значительных отличий? — уточнила я.

— Получается, что так, — бабушка весело подмигнула мне в зеркало заднего вида. — Левая часть города традиционно выбирает Сент-Митчелл из-за его близости к океану. Но ты выбирай из того, что тебе понравится. Папа или я будем отвозить тебя. И у них есть школьный автобус.

— Хорошо.

Академия Уиллоу выглядела как новое современное здание — стёкла, хром, бетон. Работники убирали газон, хотя он и так выглядел идеально, и я невольно закатила глаза.

Мы с бабушкой припарковались и зашли внутрь. Прямо у входа нас встретил директор. Он был высоким, стройным, в костюме-тройке, с идеально завязанным галстуком. На лице застыла профессиональная улыбка.

— Добро пожаловать, миссис Кин, — поприветствовал он, протягивая бабушке руку. — Кива, рад познакомиться.

— Здравствуйте, — сказала я неловко.

— Я директор Академии Уиллоу — Самуэль Келли, — представился он. — Я проведу вас по школе и покажу, где находятся классы и столовая.

Я неловко кивнула, и мы втроём отправились на экскурсию.

Школа впечатляла. Большое количество современной техники, интерактивные доски, огромный спортивный зал с бассейном. Всё было новым, стерильным и холодным.

Я чувствовала себя, как в музее современного искусства, где на всё можно смотреть, но трогать нельзя.

— У нас отличные лаборатории для естественных наук, — говорил директор Келли. — А также мы гордимся нашим театральным кружком.

Меня расстроило, что в обеих школах есть школьная форма. Я надеялась, что смогу носить свои джинсы и толстовку весь год, но в Уиллоу, видимо, было принято одеваться одинаково.

— Форма в Академии — серая, — сказал директор, показывая образец на стенде. — Для девочек — юбка, жакет и галстук.

Я с трудом сдержала стон.

Мы попрощались с директором, и бабушка повезла меня в Сент-Митчелл.

— Где училась мама? — спросила я, когда мы поднимались по широким каменным ступеням второй школы.

— Здесь, — ответила бабушка.

Её голос был тихим, почти благоговейным.

Старшая школа Сент-Митчелл выглядела как роскошный замок. Старая кирпичная кладка, высокие окна, витражи. Внутри сохранился классический интерьер — паркетный пол, деревянные панели на стенах, но рядом с этим стояли современные компьютеры, тренажёры и бассейн.

— Это как музей, — пробормотала я, оглядываясь.

— Здесь учились поколения, — сказала бабушка. — Это традиции.

Директор Мэтью Митчелл оказался полной противоположностью Самуэля Келли — низкий, коренастый, с добрыми глазами и смешливым голосом. Он вёл нас по коридорам с такой гордостью, как будто показывал собственный дом.

— У нас сильная команда по гребле, — сказал он, кивая на стенд с фотографиями. — Её возглавляет Макс Скотт, настоящий талант!

Но больше всего меня поразила форма. В ужасном смысле. В Сент-Митчелле она была тёмно-синей. Для девочек обязательно носить белые гольфы и красные балетки в тон швам на форме.

В тон швам!

— Ну они и странные, — прошептала я себе под нос, поёжившись от такой дотошности.

Бабушка рассказывала, что основателем школы был предок нынешнего директора — Мэтью Митчелл-старший. Кажется, шестое поколение.

Обе школы показались мне огромными, и когда мы наконец сели в машину, я почувствовала, как устала. Ноги гудели, а голова раскалывалась.

— Пока я буду говорить, ты можешь отдохнуть на террасе с коктейлем, — сказала бабушка, и я впервые за день почувствовала облегчение. — «Пиратская бухта» пользуется большой популярностью.

— Что-то холодное мне не помешает, — согласилась я.

— В какой школе понравилось больше? — спросила бабушка, когда мы выехали на дорогу. Её вопрос застал меня врасплох.

— Они одинаковые, — сказала я, вглядываясь в знакомые уже очертания коттеджей. — Я же могу подумать?

— Конечно, милая.

Мы завернули на песчаную дорожку, и я почувствовала знакомый запах океана. Мои берцы утонули в песке, и я сразу посмотрела в ту сторону, где ночью сидела с Эмери. Там никого не было.

Я шла за бабушкой к бару у берега. На вывеске было написано: «*Пиратская бухта*».

— Вот моя карта, — бабушка протянула мне пластиковую карту из кошелька. — Покупай, что захочешь.

— Спасибо, — неловко ответила я, принимая её.

Я подошла к кассе и начала изучать меню, игнорируя мысли, что мне здесь не место. Мои пальцы нервно теребили край карты.

— Уже выбрала? — спросил парень, стоявший за кассой. Он улыбнулся мне с лёгкостью, которая казалась мне незнакомой.

— Э... Да, — ответила я, поднимая глаза. — Клубничный коктейль.

— Я раньше тебя не видел здесь, — сказал он, не скрывая любопытства.

— Меня раньше здесь и не было, — ответила я.

— Я Квин. Квин Брэдли, — представился он.

— Кива Кин.

— Холли Кин — твоя...? — он вопросительно поднял бровь.

— Бабушка, — кивнула я.

Квин понимающе кивнул. Я чувствовала, как он рассматривает мои волосы и плавно опускает взгляд на платье.

Меня напрягало то, что здесь все должны меня знать. Или ассоциировать по фамилии бабушки. Если бы папа не взял фамилию моей мамы, я осталась бы здесь загадкой.

— Твой клубничный коктейль, Кива, — Квин поставил передо мной высокий стакан с розовой жидкостью. В нём плавали кусочки льда и ягоды, и он выглядел так красиво, что я почти пожалела, что не могу его сфотографировать.

— Э... Спасибо, — сказала я, принимая стакан. — Я оплачу картой.

— За счет заведения, — подмигнул Квин.

— Оу... Спасибо, — постралась улыбнуться я.

— Ты приехала на лето? — не отставал он.

— Нет, я переехала сюда.

— Это здорово, — обрадовался парень. Его карамельные глаза засветились, как у ребёнка, увидевшего игрушку. — Хочешь, я покажу тебе Уиллоу? Если ты, конечно, не против. Чёрт.

Я ощутила, как щёки предательски покраснели. Я не была готова к этапу знакомства с мальчиками. Я вообще не была готова к этому дню.

К моему счастью, кто-то позвал его с другой стороны зала.

— Эй, Брэдли!

Мы оба обернулись, хотя я сразу поняла, что не стоило этого делать.

За большим столом у окна сидела компания парней. Человек шесть. Они смотрели на нас — вернее, на меня — и я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Но хуже всего было то, что странная девочка с моря сидела среди них.

Эмери.

Она махала мне рукой, как старой подруге.

Парень рядом с Квином с удивлением спросил у меня:

— Вы знакомы?

— Кива, иди к нам! — крикнула Эмери, и её голос разнёсся по всему кафе.

Все посмотрели на меня.

Мои щёки стали розовее, чем клубничный коктейль.

Я хотела провалиться сквозь землю, но вместо этого сделала шаг вперёд и пошла к их столу с чувством обречённости.

— Всем привет, — выдавила я, едва слышно.

— Ребят, это Кива Кин! — объявила Эмери. — Мы с ней рисовали прошлой ночью на пляже.

— Я точно не помешаю? — прошептала я, наклоняясь к Эмери.

— Конечно нет, — она махнула рукой и показала на пустое место за столом. — Садись.

Я села, чувствуя себя неуютно под взглядами незнакомых парней.

— Смотри, — Эмери начала говорить, указывая на каждого по очереди. — Это Макс, мой брат. Рядом с ним — Джейми Смит, Закари Синклер и Томми Хьюз. Мальчик за кассой — Квин Брэдли, его семья владеет «Пиратской бухтой». А это Ноа и Брукс. Они все из команды по гребле.

— Я никого не запомнила, — пробормотала я, радуясь, что парни уже вернулись к своим разговорам.

Эмери хихикнула.

— Привыкнешь. Они все на самом деле нормальные. Ну, почти все. Мальчики такие странные. Чем занималась сегодня? — спросила она, в упор глядя на меня.

— Мы с бабушкой смотрели школы.

— Мы все из Сент-Митчелла, — сказала Эмери, и её глаза загорелись. — Умоляю, скажи, что ты выбрала её.

— Я ещё ничего не выбрала, — улыбнулась я, чувствуя, как напряжение начинает отпускать.

— Ты ведь переходишь в старшую школу? — уточнила она.

— Да.

— Мы могли бы учиться в одном классе, — Эмери подалась вперёд, и её зелёные глаза расширились. — Представляешь?

— Не уверена, что смогу привыкнуть к красным балеткам, — сказала я, и один из парней напротив усмехнулся.

— Все девочки в восторге от них, — заверила меня Эмери.

— Я люблю свои берцы, — ответила я, показывая под стол.

Когда я немного успокоилась и допила коктейль, появилась бабушка. Она стояла в дверях кафе с улыбкой на лице, и я поняла, что она наблюдала за мной всё это время.

— Кива, милая, нам пора, — сказала она.

Я встала, чувствуя, как холод коктейля разливается по телу.

— Всем пока, — сказала я на прощание и помахала Эмери.

Она ответила мне улыбкой.

— Ещё увидимся.

В Уиллоу было невозможно не увидеться.

Я вышла из кафе, проваливаясь в песок, и посмотрела на океан.

Впервые за долгое время я почувствовала, что этот день был не таким уж плохим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.